

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЕГИШЭ

Карлен Мирумян

*Доктор философских наук, профессор,
ведущий научный сотрудник Института философии,
социологии и права, НАН РА*

Егишэ (410 – 475 гг.) – выдающийся историк, религиозный философ, политический мыслитель, участник и идеолог национально-освободительной борьбы против политико-идеологических поползновений Сасанидского Ирана. Взгляды Егишэ в основном изложены в знаменитом произведении «О Вардане и войне Армянской». Вопросы об общественных отношениях, социальных институтах, власти и т. д. рассматриваются и в других его работах. В отличие от учения своего предшественника Езника Кохбаца (ок. 380 – 450 гг.), концепция Егишэ является результатом рефлексии на имевшие место военно-политические события. Вместе с тем, проблему свобод и прав человека он, подобно Кохбацу, анализирует в общем контексте национально-освободительной борьбы.

Идейное обоснование национально-освободительного движения. Стержнем политических взглядов Егишэ является концепция национально-освободительной борьбы армянского народа, которая получает у него политическое, правовое, социально-философское и морально-психологическое обоснование.

Стержневой в аргументации Егишэ является его оригинальная интерпретация проблемы царской власти, которая в эпоху средневековья воспринималась как нечто священное, богоданное. Для Егишэ эта идея также являлась непреложным фактом. Однако в то время восточная часть Армении находилась под властью Сасанидского Ирана, персидского царя. Тем не менее идеолог нации, логически развивая свою мысль, считает, что «истинным слугам Бога не подобает противостоять светским властителям». Данное положение является своеобразной интерпретацией известного положения апостола Павла: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены» [Рим., 13, 1]. Но это означало беспрекословное подчинение армян персидскому царю как своему владыке.

Перед армянским мыслителем стояла сложная задача, ибо его конечная цель заключалась в обосновании законности и справедливости освободительной борьбы армянского народа, антиперсидского вооружённого восстания. Этот вопрос он рассматривает с нескольких точек зрения. Прежде всего, Егишэ подводит теоретико-методологическое основание под свою концепцию. В этой связи он анализирует понятие царской власти в контексте её богоданности. Согласно армянскому мыслителю,

царская власть является богоданной *как таковая*, в принципе, а монархия – единственно правильная и приемлемая форма правления, так как только она способна обеспечить стабильность и мир в государстве, установить социальное согласие. Поэтому в эмпирическом, реально существующем государстве люди «не вольны менять царя на другого владыку»³⁰. Более того, ни в одной нормальной стране не может быть двух правителей, ибо верховная власть в стране должна принадлежать одному человеку – монарху. В противном случае страна будет ввергнута в состояние хаоса и обречена на скорую гибель: «Не бывает в одной стране двух правителей и у одного творения [не бывает] двух богов. Если дерзнут и будет два царя в одной стране, то мир рухнет и царства погибнут»³¹. Но в таком случае возникает противоречие между данной формулировкой и идеологией всенародного восстания против власти Сасанидов. Данное противоречие разрешается им путём привнесения ряда корректив в формулировку и интерпретацию природы и функциональных задач царской власти.

В суждениях армянского мыслителя кроется весьма интересная и перспективная для политико-правовой мысли идея. Он, фактически, дает свое понимание понятия власти, трактуя её как: 1) власть вообще, власть как таковая, то есть как отвлечённое отношение между властвующим и подданными безотносительно к конкретной форме власти и её происхождению (или приобретению); 2) практику властвования, конкретную форму осуществления власти монархом. Но из вышесказанного следует, что только в своей сущности власть (в первом смысле) имеет божественное происхождение. Что касается второго пункта, то как показывала политическая практика эпохи власть не всегда следовала богоустановленным принципам и нередко нарушала их. Классификация власти Егишэ впоследствии получила более развёрнутое обоснование в трудах крупнейшего представителя западноевропейского богословия и схоластики **Фомы Аквинского** (1226 – 1274 гг.), который выделил ещё один пункт – способ достижения власти.

Исходя из приведённых методологических соображений Егишэ следующим образом раскрывает природу царской власти в контексте национально-освободительной войны и практики властвования.

Во-первых, хотя власть царя (в данном случае – персидского шаха) имеет божественное происхождение, однако на деле она не абсолютна уже потому, что должна быть ограничена установленными им же законами. Царь подобно всем своим подданным, обязан строго следовать

³⁰ **Егишэ**, О Вардане и войне Армянской / Пер. с древнеарм. акад. И. А. Орбели, Ер., 1971. С. 143.

³¹ Там же С. 46.

и подчиняться изданным им самим законам. Царь-законодатель не стоит и не может стоять над своими законами. Здесь проявляется ещё одна свежая идея, которая отличается от распространённой впоследствии интерпретации, согласно которой монарх в своих действиях несёт ответственность только перед Богом и стоит выше позитивных (волеустановленных, человеческих) законов. Иными словами, богоданность царской власти не означает права игнорировать свои законы, ибо власть дана царю для того, чтобы он упорядочил жизнь всех своих подданных, властвовал во благо своего народа.

Исходя из этого Егишэ делает весьма важный вывод о том, что *если царь-законодатель сам нарушает свои же законы, тем самым извращая суть богоданности власти, то подданные вправе не подчиниться ему и даже восстать против его власти как противозаконной*. Таким образом, в данном случае речь у него идёт не об источнике власти как таковой, а о формах отправления власти на практике. С другой стороны, как нам представляется, у Егишэ просматривается связь между принципом богоданности власти и конкретной формой властвования. Иными словами, практика властвования является своего рода критерием, мерилom богоданности власти. Данная мысль находит более развёрнутое обоснование у армянского мыслителя XIII века Ованнеса Ерзынкаци Плуза³².

Во-вторых, в духе христианской идеологии Егишэ признает существование двух форм власти – небесной и земной или «духовной» (церковной) и «телесной» (светской, государственной). Само признание двух этих равноправных форм власти имплицитно содержит идею ограниченности каждой из них в отдельности (идея гармонии властей). Так, светская государственная власть распространяется лишь на социальные, экономические, политические и правовые отношения в обществе, то есть лишь на «внешнюю» – материальную сторону жизнедеятельности человека или как он выражается «на тело народа». Она не имеет права вмешиваться во «внутреннюю» – духовную, личную жизнь людей. Вопросы же, касающиеся совести, выбора вероисповедания и т. д., находятся вне юрисдикции светской власти и относятся к небесному царству и находятся в компетенции духовной власти народа, в том числе подвластного, в нашем случае – Армянской Апостольской церкви.

³² Подробнее об этом см.: **Мирумян К. А.**, Из истории армянской политической мысли. Ер., 2002. С.192 -202. На арм. яз.

Исходя из предпосылок такого понимания власти, Егишэ объясняет вооружённое восстание армян не столько тем, что они не возжелали подчиниться и служить персидскому шаху как носителю верховной государственной власти, сколько тем, что Сасаниды в своем рвении к абсолютному господству не ограничивались и не довольствовались отправлением государственной власти (господством над «телом» подвластного народа), а всячески стремились властвовать и над «душой» народа. Егишэ отмечает, что армяне были готовы полностью подчинить свое «тело» персидскому шаху, как носителю верховной политической власти, но он не может и не имеет права подчинить себе их души, совесть, веру, властвовать над ними по своему желанию. «Все имущество и достояние наше, – пишет мыслитель, – в твоих руках, и тела наши пребывают пред тобою, по твоей воле делай, что желаешь. Если в этой вере нас оставишь, то никакого другого господина на земле мы не выменяем на тебя, ни на небе другого бога не выменяем на Иисуса Христа, ибо нет другого бога, кроме него»³³.

Иными словами, каждый человек, каждый народ (в том числе подвластный) имеет право самому свободно контролировать эти сферы; каждый человек и народ, независимо от конфессиональной принадлежности, волен сам свободно распоряжаться сферой совести и веры. Следовательно, идейно-религиозные домогательства сасанидских царей противоречат божественному порядку (закону) вещей, нарушают естественные права человека (и народа) – право свободы совести и вероисповедания, что также является одним из фундаментальных оснований правомерности вооружённого восстания³⁴.

³³ Егишэ, О Вардане и войне Армянской. С.51, 143.

³⁴В связи с указанными двумя пунктами следует заметить, что сформулированные в них положения за несколько веков до Егишэ в общей форме были высказаны римским стоиком, политическим мыслителем и государственным деятелем Сенекой (4/1 г. до н. э. – 65 г.). Так, он полагает, что «сам творец и правитель вселенной, написавший законы судьбы, следует им; однажды издав приказ, он сам теперь вечно повинуется»³⁴. Кроме того, Сенека не распространяет рабство на всю личность, ибо «её лучшая часть свободна от рабства. Только тело подчинено и принадлежит господину, дух же сам себе господин». Эти идеи в христианском облачении получили развитие и у многих последующих армянских мыслителей (и не только армянских).

В-третьих, Егишэ задается вопросом: а насколько законны посягательства персидского шаха, насколько он законопослушен и справедлив в отношении своего же собственного народа, и как они, сами персы, относятся к действиям своего царя? Один из идеологов армянской национально-освободительной войны **Гевонд Ерец**, обращается к персидскому сановнику Деншапуху со следующими словами: «Если стало привычным нарушать повеления вашего царя, то поступаете вы хорошо, ибо он разрушитель страны и убийца невинных людей, друг сатаны и враг бога. Но мы не можем преступить повеление нашего царя (*христианского Бога* – К. М.) и не в силах непреходящую нашу жизнь променять на тленные и пустые блага сего мира»³⁵.

Егишэ оправдывает противостояние и борьбу персов против беззаконий своего царя, что в очередной раз, по его мнению, подтверждает законность и справедливость вооружённой освободительной борьбы армян. И вообще тот, кто не добр к себе и своему же народу, он не может быть добрым и в отношении другого, и тот «кто сам бредет во тьме, не может другого вести светом истины. Как нет праведности от вероломства, так нет и истины из лжи, подобно же и при войнолюбивых мыслях нет надежды на мир»³⁶. Таким образом, политические вопросы получают также нравственную, гносеологическую и правовую трактовку и осмысление.

Одним из главных условий успеха освободительной борьбы Егишэ считает единение и единомыслие нации (общества), которые одновременно являются залогом прочности и устойчивости любого государства. Без единомыслия (т. е. национальной идеологии) не может быть и единства нации. Более того, отсутствие единства разлагает общество, распыляет силы нации, делая её бессильным перед внешними военными вторжениями, приводит к потере политической независимости и государственности, социальным бедствиям. Одним из негативных последствий нарушения единства и разобщённости нации является появление «себялюбия», эгоизма, когда на смену национальным интересам приходят частные, личные. «Когда раскол, – пишет он, – крадучись, проникает внутрь, с нарушением единомыслия удаляется и небесная благодать, и так как [люди] становятся себялюбивыми, то весьма умножаются стоны и плач... И если это так из-за одной личности,

³⁵ **Егишэ**, О Вардане и войне Армянской. С. 149.

³⁶ Там же. С. 86.

насколько же это сильнее в отношении целого народа?!»³⁷. Или как говорит Господь: «каждый дом, королевство, которое разделяется само в себе, не может оставаться постоянным». Таким образом, единство нации (и государства) соответствует божественной благодати, а раскол – противоречит ей. Поэтому не случайно, что враги Армении стремились всячески расколоть и разобщить армянский народ. Сказанное, по мнению мыслителя, относится не только к армянскому народу, но и ко всем «народам и странам».

Свою точку зрения мыслитель иллюстрирует на примерах из национальной истории. Так в недалёком прошлом из-за разобщённости армянских князей-нахараров трон армянских царей Аршакидов был низложен и Армения была разделена между двумя соседними державами (Восточно-римской империей и Сасанидским Ираном). Но на определённом этапе освободительного движения армянские нахарары опомнились и объединились, несмотря на то, что они к тому времени уже «не имели вождя – царя» и не было никакой внешней помощи³⁸. Важнейшим фактором объединения стало осознание ими идеи необходимости национального единства в борьбе против внешней военной агрессии. Более того, обеспечение единства нации может в определённой мере компенсировать отсутствие государственности и царской власти. И вообще, говорит мыслитель, единство является матерью всех добрых деяний, а отсутствие единства – родителем всех злодеяний. При этом он ссылается на мнение неких «из славных историков: «Согласие – мать благ, а несогласие – родитель зла»³⁹.

Одной из главных предпосылок армянского освободительного движения Егишэ считает идею единства креста и меча, любви и борьбы. В этом смысле представляет несомненный интерес его трактовка понятия «меч», которая предвосхищает западно-европейскую политическую доктрину «двух мечей»⁴⁰.

³⁷ Там же.С.88.

³⁸ Там же.С.76.

³⁹ Там же.С.27.

⁴⁰ Данная концепция на Западе была сформулирована папой римским Геласием I (понтификат 492 – 496 гг.), который в своем известном послании предложил восточно-римскому императору Анастасию (430-518 гг.) ограничиться императорской (светской) властью, а духовную (священную) власть оставить в компетенции Папы римского. Согласно этой доктрине, обе формы власти – церковная и государственная – исходят от римского папы, как правомочного наместника апостола Петра. Но из этого следовало, что, признавая суверенность обеих форм власти, Геласий вместе с тем признавал приоритет духовной власти над светской. Концепция двух мечей на протяжении всего средневековья признавалась как со стороны церковной, так и светской власти. Однако на практике дело обстояло иначе, чем в теории, чему в значительной мере способствовало то обстоятельство, что концепция двух мечей или властей могла быть интерпретирована по-разному, в

Егишэ одним из первых в истории политико-правовой мысли четко сформулировал концепцию «двух мечей», которая основана на идее о двух формах власти – светской и духовной. По его мнению, существуют два вида меча, то есть власти. Один из «мечей» – естественный (духовный), другой – приобретённый, обычный, сделанный из металла. Естественный меч – это высшая божественная истина, справедливость, божественное право и закон, которые воплощены в христианском учении, и носителем которых является христианская церковь, а приобретённый – обычное оружие, носителем которого является светская власть, государь. При этом весьма важно, в чьих руках оказывается приобретённый меч. Так, в руках защищающегося от преступника или захватчика, он служит добрым делам и целям, а в руках преступников – орудием злодеяний, ибо «из-за жадности люди лишают друг друга жизни»⁴¹. В приложении к событиям описываемых Егишэ приобретённый меч служит орудием защиты от идейно-политических посягательств Сасанидов, следовательно служит добрым делам. Армянский мыслитель, как впоследствии и Геласий, признаёт превосходство души над телом, а опосредовано – духовной власти над государственной (персидской).

В отличие от мудрых монархов деспот своё господство и власть над другими народами осуществляет, как правило, посредством грубой военной силы, наводя страх и ужас. Но «страх, – говорит спарапет Армении Вардан Мамиконян, – есть признак маловерия, – маловерие мы давно отвергли от себя, так пусть и страх с ним вместе бежит из мыслей и помыслов наших!»⁴². Объединенный христианской верой и надеждой, вооруженный армянский народ восстает против захватнической и ассимиляторской политики Сасанидского Ирана. Устами персидского могпета Егишэ показывает духовную и нравственную силу армянского народа, проявленную в освободительной борьбе отвагу и патриотизм: «Если бы и сами боги явились на помощь, – нет способа, чтоб законы могства получили установление в Армении... Люди, которые ни оков не боятся, ни пыток не страшатся, ни имуществом своим не дорожат и, что есть последнее зло из всех зол, смерть предпочитают жизни, кто же сможет противостоять им?!»⁴³.

Да, сыны Армении презрели смерть, многие из них геройски пали в Аварайрской битве (451 г.), пожертвовав своей жизнью во имя свободы и независимости родной земли, во имя защиты своей веры и сохранения

интересах как церковной, так и светской власти. В результате острой политико-идеологической борьбы появились концепции *папацезаризма* и *цезаропапизма*.

⁴¹ Труды вардапета Егишэ, Венеция, 1859.С.169. На древнеарм. яз.

⁴² **Егише**, О Вардане и войне Армянской.С.98.

⁴³ Там же.С.65.

национальных традиций, системы ценностей. В этом случае смерть теряет свое физический и биологический смысл и приобретает высокое нравственно-национальное содержание. Именно благодаря нравственному и национальному началу смерть оборачивается бессмертием. Трансформация в понимании смерти обусловлено тем, насколько осознаются те задачи и цели, ради которых человек готов добровольно идти на смерть, пожертвовать своей жизнью. Егишэ эту мысль формулирует следующим образом: «Как и сказал кто-то из древних: «Смерть неосознанная есть смерть, смерть осознанная есть бессмертие». Кто не осознаёт смерть – боится смерти, а кто осознаёт смерть – не боится её»⁴⁴.

Осознанное самопожертвование во имя возвышенных национальных целей и задач, во имя духовной свободы не только делает бессмертным героя, но и служит ярким примером подражания для последующих поколений. Спарпет Вардан Мамиконян, обращаясь к армянскому войску перед сражением, говорит: «Нам надежда является вдвойне: если умрём, – будем жить, а если умертвим, – предстоит нам та же жизнь»⁴⁵.

Упомянутая формулировка диалектики смерти и бессмертия содержит огромный нравственно-воспитательный и политико-идеологический заряд; она в продолжение всех последующих веков влияла на национальное сознание, формируя и углубляя самосознание нации, национальную идентичность, способствуя обеспечению единства нации – необходимой основы существования нации. Она стала одной из важнейших идеологем, компонентов национальной идеологии. На духовном, на уровне национального сознания и самосознания такая трактовка бессмертия подтверждала право нации на жизнь, на её настоящее и будущее.

Егишэ характеризует освободительную войну армян как действительно общенародную, когда стар и млад стали на защиту своего отечества и веры: «Одно [билось] сердце в устремлениях всех мужей и женщин, старцев и отроков... Поелику все стали воинами единого воинства, надели единую броню веры по заповеди Христовой, мужи и женщины единым поясом истины препоясались»⁴⁶.

Идея единства и единомыслия нации (общества), проходящая через всю историю армянской политической мысли, как отмечает и Егишэ, присуща также многим другим народам. Она актуальна и сегодня. И сегодня любое государство, подвергшееся внешней агрессии – военной, экономической, культурной, цивилизационной и т. д., для её отражения

⁴⁴ Там же.С.33.

⁴⁵ Там же.С.103.

⁴⁶ Там же.С.71.

предполагает сплочённость общества, что с необходимостью требует наличия разработанной идеологической системы, выражающей национальные интересы данного государства. Правда, сегодня агрессивное государство использует более разнообразные и утончённые инструментари и технологии, однако задача остается той же, что и в историческом прошлом – добиться раскола в обществе противника, превращения его в разобщённую массу, механическую сумму бездуховных индивидов, внедрение путём всевозможных средств (пропаганды, финансирования, манипулирования национальным и общественным сознанием и др.) в общественное сознание объекта экспансии своей идеологии и системы ценностей и т. д. Объект агрессии может выстоять и отразить посягательства извне лишь посредством преодоления внутренних распрей и разобщённости, сплочения нации вокруг общенациональных интересов, единой хорошо разработанной идеологии и системы ценностей.

Согласно Егишэ, в борьбе во имя свободы своей Родины, политической независимости страны и национального суверенитета, возрождения государственности все способы оправданы. Так, если оценивать «внешнее (видимое) предательство» армянских князей-нахараров при персидском дворе с точки зрения принципов абстрактной нравственности и законопослушности, то мы должны расценивать это как проявление слабости, лживости, трусости, как отступление от нравственных и идеологических норм, более того, как предательство в отношении своей веры и преступление отеческих законов. Но ни Егишэ, ни другие армянские историки и мыслители не осуждают действие армянских нахараров, потому что они руководствовались принципом, согласно которому *закон служит человеку, а не человек закону*.

Кроме того, поведение князей-нахараров оценивается армянскими историками в контексте конкретной ситуации и с точки зрения преследуемых ими целей. Главная цель сформулирована в словах Вардана Мамиконяна: «Особенно незабываемо для меня... как обманули мы этого нечестивого правителя (персидского царя – К. М.) и провели его, как негодного мальчишку. А именно – хотя внешне мы выполнили его нечестивую волю, но в тайных помыслах – сам Господь нам свидетель – до какой степени нерушимо от него мы пребывали... Мы искали способа успокоить близких наших, чтобы вместе с ними, дав бой, сразиться с нечестивым правителем за унаследованные от отцов богоданные законы»⁴⁷. Следовательно, такая «ложь», такое «неповиновение закону» в конкретной ситуации условно и не является преступлением,

⁴⁷ Там же.С.96 – 97.

предательством, ибо в конечном счёте они содействуют борьбе за справедливость и свободу своего народа, за торжество христианского вероучения. Во имя действительно возвышенной национально-стратегической цели, можно пойти на так называемое «ситуативное отступление» от закона, от своей веры. Это один из тех редких случаев, когда цель вполне оправдывает средства.

Итак, Егишэ всесторонне обосновывает и оправдывает развернувшуюся в 450 – 451 годах национально-освободительную войну армянского народа. Логика его аргументов и замечаний имеет концептуально-теоретический и методологический характер, поэтому они вполне применимы к истории национально-освободительной борьбы вообще.

Государственная власть и институты правления. Истинный царь, властелин должен уважать законы своего государства, следовать им, быть справедливым в отношении всех своих подданных (как отдельного человека, так и подвластных народов), ибо только в этом случае он может объединить все социальные слои общества и, в первую очередь, нахарарские дома, подвластные народы; стать гарантом и символом единства и стабильности государства. Царь должен сознавать, что он не только обладает верховной властью и правами, но и несёт полную ответственность за судьбу государства и своих подданных: «Царь платится не только за свои долги, но и за тех, причиной чьей гибели он явился». Поэтому одним из главных качеств каждого человека и особенно правителя является мудрость: «Если кто чрезмерно возрос в мирском величии, а разумом он беднее, такой более достоин жалости, как мы это и видим не только в заурядных людях, но и в наиболее выдающихся. *Царь, если он не имеет у себя сопредельной мудрости, не может соответствовать своему делу* (курсив наш. – К. М.)»⁴⁸.

Принцип справедливого и мудрого правления требует, чтобы царь правил без применения насилия и нарушения действующих в государстве законов. В противном случае это может оказаться губительным не только для подвластных народов, но и для государства в целом, а также самой царской власти. Егишэ уверен, что при справедливом правлении никто из подданных или подвластных народов не выступит против верховной власти царя. Кроме того, жестокое обращение с подвластным народом, разорение страны может иметь тяжёлые последствия не только для царя, но и его государства. Эту важную мысль он выражает устами персидского мопета: «Если мы силой будем сражаться с этой страной, то страна

⁴⁸ Там же. С.33.

совершенно разорится, и мы не избежим кары – самим нам вред и царской [казне] великий ущерб!»⁴⁹.

Егишэ уверен, что степень политической независимости любой страны и нации, обеспечение государственного суверенитета и безопасности во многом зависит от наличия соответствующей военной силы, боеспособной армии. ***Нормальное развитие всех сфер общественной и национальной жизни, в том числе и деятельность Армянской Апостольской церкви в значительной мере зависит от состояния военных сил.*** Так, когда армянская конница находилась в стране, в Армении царило богопоклонение, а нация была защищена. Когда же соседние державы под разными предлогами (в частности, на основе существующих договорённостей) армянскую конницу удаляли из страны, общественная жизнь и христианская вера в стране оказывались под угрозой. Поэтому отнюдь не случайно, что персы так и поступали прежде чем применить военную силу.

Стабильность и прочность государства, согласно Егишэ, во многом зависит также от действующего в стране института правосудия. Соответственно двум формам власти и права (небесному и земному, духовному и телесному) он различает два вида правосудия – божественное и человеческое. Их общность заключается в том, что оба вида связаны с законодательством, наставлением, воспитанием, свободой воли, воздаянием, практической жизнедеятельностью человека и нарушением законов. Наряду с этим они имеют и принципиальное различие: «Закон царей наказывает преступников, а Бог – и преступника, и народ; преступников Он наказывает как Законодатель, а народ – как Провидец»⁵⁰.

Нормальная и полноценная деятельность института правосудия предполагает наличие установленных законов (законодательной системы). Подобно власти, законы также бывают двух видов: соответственно душе и телу человека (относящиеся к материальной и духовной деятельности человека). Так, законы язычников, поклонявшихся материальному, вещественному относятся лишь к «телу» человека, у них нет и не может быть духовных законов. Это привилегия лишь христиан. Однако Егишэ не только не отвергает, но и высоко оценивает значение языческих правовых законов. Мыслитель полагает, что они сыграли положительную роль в сфере правосудия и содействовали как формированию и развитию государственного правления (искусства политики), так и обеспечению реальной защиты физической жизни людей

⁴⁹ Там же.С.68.

⁵⁰ Труды вардапета Егишэ.С.336.

и их имущества. «Несмотря на то, – пишет он, – что язычники находились в состоянии сильного заблуждения и недостойного прелюбодеяния, они имели законы государственного правления, которые запрещали воровство, грабежи, убийства. Установленные ими законы были достаточны для властвования над человеческими телами»⁵¹. Таким образом, языческие законы были призваны урегулировать лишь внешние человеческие отношения, в чем он усматривает их ценность.

Следует принимать во внимание, что говоря о языческих законах Египта в первую очередь имел в виду римские законы. Он особенно высоко оценивает уважительное отношение римлян к законам своего государства, их стремление во всем следовать закону. В этом смысле он считает вполне приемлемой мысль, высказанную римским прокуратором **Понтием Пилатом** во время суда над Христом: «Я боюсь римских законов, боюсь, преступив закон, осудить кого-либо честного»⁵². Известно, что вынесение окончательного приговора Христу Понтий Пилат оставил на усмотрение старейшин израильского народа, которые и осудили сына Божьего на смерть. С небольшими оговорками можно утверждать, что Христос стал одной из многочисленных жертв демократии. К числу последних, в частности, можно отнести победителя в знаменитой Марафонской битве (490 г. до н. э.) выдающегося полководца **Мильтиада**, осуждённого на смерть через несколько месяцев после битвы в связи с проявлением гуманного отношения к жителям полиса, проявившего непокорность Афинам, великого философа античного мира **Сократа** (470/469 – 399 гг. до н. э.), клеветнически осуждённого народным собранием, **Перикла Младшего** и других. Так уже древнегреческая демократия показала как свою силу, так и свои недостатки – «безответственность державного демоса»⁵³. Более того, языческие законы, регулирующие «телесную» жизнь человека, по мнению мыслителя, приемлемы и для христианства, однако они недостаточны для регулирования всех сторон жизни человека, поэтому их необходимо дополнить христианскими принципами и нормами, а также морально-духовными законами. Таким образом, христианское учение никак не отвергает языческие законы, а воспринимает и усваивает их, дополняя духовными законами, благодаря чему была создана целостная система законов, которая в равной мере распространяется как на тело, так и на душу человека. Подобная позиция мыслителя признавала преемственность языческих и христианских законов, античного и

⁵¹ Там же.С.346 – 347.

⁵² Там же.С.263 – 264.

⁵³ **Остерман Л.**, О Солон! История афинской демократии, М., 2001.С.28.

христианского начал, что в ту эпоху имело также мировоззренческое и идеологическое значение.

В деле нормального функционирования общества и государства Егишэ важное место отводит системе правосудия. Действенность же правосудия, по его мнению, обусловлена установленными законами и наличием института наказания. Фундаментальный принцип системы наказания (правосудия) гласит: для каждого вида преступления и правонарушений закон должен устанавливать соответствующую меру наказания. В духе античных мыслителей он защищает тезис о необходимости дифференцированного подхода к вынесению приговора, обеспечения принципа соответствия меры наказания совершённом преступлению. В связи с этим Егишэ обращает внимание на ряд моментов.

Во-первых, он придаёт важное значение как факту, так и степени осознания совершённого преступления, различая *преднамеренное* (или осознанное) и *непреднамеренное* (или принуждённое) нарушение закона. При этом, первый вид преступления ввиду его осознанности подлежит более суровому наказанию, чем второй. С этой точки зрения, он трактует отдельные события армянского национально-освободительного движения. Так, нарочитое «предательство» армянских нахараров было вынужденным нарушением отеческих законов, а предательство Васака Сюни – добровольным и преднамеренным.

Во-вторых, мера наказания зависит от знания или незнания преступником действующего закона. Данный принцип он иллюстрирует на примере, зафиксированном в античном праве и Евангелии: «Слуга... который не знает волю господина своего и творит дело, достойное палки, да получит удары, но в меньшей мере» [Лук., 12, 47–48.], а кто более осведомлён о воле царя и проступится в чём пред ним, без заступничества да будет наказан во много раз больше»⁵⁴.

В-третьих, подчёркивая роль и значение фактора осознанности в регулировании правовых отношений и вопросе наказания за правонарушение, Егишэ приходит к выводу, что регулирующая роль закона обусловлена не только его справедливостью и истинностью, но во многом зависит от уровня правового сознания самих исполнителей закона, их законопослушности. От этого во многом зависит сила закона и правоприменения: «Потому что не законы являются немощными, а вы (люди), не соблюдая законы, делаете их такими»⁵⁵.

В-четвёртых, акцентированием значимости фактора сознательности объясняется политическое убеждение Егишэ в том, что государственный

⁵⁴ Егишэ, О Вардане и войне Армянской. С.48.

⁵⁵ Труды вардапета Егишэ. С.273.

институт правосудия «сперва наставляет и учит посредством закона и слова Божьего и лишь потом прибегает к наказанию». Следовательно, человек, обладающий свободой выбора, сам является причиной своего нравственного падения и накладываемого наказания..

В деле осуществления правосудия Егишэ придаёт важное значение фактору страха. Если страх как выражение недоверия и отсутствия решимости рассматривается им как отрицательное качество, то как предупредительное условие нарушения закона, он является вполне положительным явлением, так как страх подвергнуться наказанию может удержать человека от многих противоправных действий и преступлений.

В основе вышеупомянутых взглядов Егишэ на правосудие и наказание, лежит христианское учение о воздаянии, согласно которому результат злодейства – наказание, презрение со стороны общества, а добродетели – доброе имя, авторитет в обществе и вечная память в будущем. Принцип воздаяния играет контролирующую роль в жизни человека и общества. Ожидание вознаграждения «хранится для каждого из нас в смиренности сердца и соответственно совершенным делам»

Следуя Езнику Кохбацци, Егишэ указывает на существование различных мнений, оценок относительно людей, претворяющих законы в жизнь (судей), деятельности органов контроля и наказания. Так люди, понёвшие заслуженное наказание за совершённые преступления и их родные негативно воспринимают наказующую силу закона (приговор). Другая часть людей недовольна ограничивающей и контролирующей силой законов. Вместе с тем, когда те же самые органы правосудия спасают тех же людей или их близких от неизбежного наказания, то они воспринимаются ими как источник общественного благополучия, гарант правосудия и справедливости. Судебные исполнители (солдаты) также не подлежат обвинению, так как являются «слугами судей и обязаны выполнять их приказы»⁵⁶.

Согласно Егишэ, независимо от субъективных восприятий, душевных переживаний и эмоциональных оценок, органы правосудия объективно обеспечивают общественный порядок, безопасность общества и законопослушных граждан. Он не признаёт принципа абстрактного гуманизма и пацифизма. Более того, применяя насилие в отношении правонарушителей, органы правосудия в действительности творят добро и справедливость, выполняя важную общественную функцию. «И справедливые судьи, – пишет он, – которые судят злодеев, не называются злыми или мучителями, но весьма добрыми и благодетельными. Природа одна, а не две их, а из этой одной являются дела двойственные, для

⁵⁶ Там же. С.296.

некоторых убийственные, а для некоторых – наградные»⁵⁷. И хотя судья одного наказывает, другого защищает, однако сущность и задачи правосудия остаются неизменными – защита общественного порядка и регулирование политико-правовых и социальных отношений в рамках действующего закона.

Таким образом, институт наказания является одним из необходимых органов управления обществом, важной функцией государственной власти. «Судья, согласно полученному от царя праву, посредством наказания осуществляет свою власть». Однако, по мнению Егишэ, наказание следует применять лишь после того, как все увещания и наставления оказались безрезультатными. Ибо конечная цель наказания – не само наказание, а исправление человека, наставление его на путь истины и праведности. Дело в том, продолжает он, что понятия «беззаконие» и «законопослушание» не являются абсолютными, вечными и сущностными понятиями, так как человек с течением времени может измениться: правонарушитель может стать законопослушным и наоборот. Более того, «часто случается, что от доброго человека бывают злые [дела], а от злейших – совершеннейшие блага»⁵⁸.

Относительными являются не только добродетель, злодеяние и преступление. Таковыми являются также правовые и моральные системы ценностей. В духе старших софистов, в частности основоположника политического релятивизма **Протагора** (480 – 410 гг. до н. э.), Егишэ утверждает: то, что по римскому праву считается справедливым, по иудейскому – может считаться несправедливым; то, что персы считают истинным, является неприемлемым для армян; то, что в мирных условиях считается ценным, во время войны обесценивается. Так, во время национально-освободительной войны Варданидов «в упадке пребывало... золото, и никто не брал для личных [нужд] серебра, и в пренебрежении, не возбуждая алчности, и в бесчестии были почётные одежды, предназначенные для украшения и возвеличения»⁵⁹.

Таким образом, в ходе национально-освободительной борьбы общенациональные интересы (политическая независимость, свобода, собственная государственность) Егишэ ставит выше интересов отдельной личности, материальных ценностей, и т. д. При наличии же государственности первоочередное и приоритетное значение имеют общегосударственные и социальные интересы, а в сфере морали превалирует не личная, а социальная мораль.

⁵⁷ **Егишэ**, О Вардане и войне Армянской. С.49.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. С.71 – 72.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена исследованию политической концепции знаменитого армянского мыслителя и историка V в. Егишэ. В статье показано, что стержнем политических взглядов Егишэ является концепция национально-освободительной борьбы армянского народа, которая получает у него политическое, правовое, социально-философское и морально-психологическое обоснование. Дается оценка некоторым концептуальным идеям мыслителя: соотношение физической и духовной свободы, языческих и христианских законов. Особо подчеркивается, что Егишэ, фактически, впервые, раньше римского папы Геласия I, сформулировал концепцию «двух мечей».

Ключевые слова: власть, закон, законная и противозаконная власть, правосудие, духовная свобода, национальное единство.

ԵՂԻՇԵՒ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆ ՀԱՅԵՑԱԿԱՐԳԸ

Կառլեն Միրումյան

*Փիլիսոփայական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր,
ՀՀ ԳԱԱ Փիլիսոփայության, սոցիոլոգիայի և
իրավունքի ինստիտուտի առաջատար գիտաշխատող*

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածը նվիրված է 5-րդ դարի ականավոր հայ մտածող Եղիշեի քաղաքական հայեցակարգի վերլուծությանը: Ցույց է տրվում, որ նրա քաղաքական հայացքների արանցքն է կազմում հայ ժողովրդի ազգային-ազատագրական պայքարի հայեցակարգը, որը ստանում է քաղաքական, իրավական, սոցիալ-փիլիսոփայական և բարոյա-հոգեբանական հիմնավորում: Հատուկ ընգծվում է, որ Եղիշեն առաջին անգամ առաջադրում է «Երկու սրերի» մասին հայեցակարգը:

Բանալի բառեր` իշխանություն, օրենք, օրինական և անօրինական իշխանություն, հոգևոր ազատություն, ազգային միասնականություն:

POLITICAL CONCEPT OF YEGHISHE

Karlen Mirumyan

*Doctor of Philosophy, Professor,
Leading Researcher of the Institute of Philosophy,
Sociology and Law of NAS RA*

SUMMARY

The article is devoted to the study of the political concept of the famous Armenian thinker and historian of the 5th century: Yeghishe. The article shows that the core of Yeghishe's political views is the concept of the national liberation struggle of the Armenian people, which receives political, legal, socio-philosophical and moral-psychological justification. An assessment is given of some conceptual ideas of the thinker, such as: the correlation of physical and spiritual freedom, pagan and Christian laws. It is emphasized that Yeghishe, in fact, for the first time, before Pope Gelasius I, formulated the concept of “two swords”.

Keywords: power, law, legal and illegal power, justice, spiritual freedom, national unity.

ԴԱՏԱԿԱՆ ՀԱՄԱԿԱՐԳԸ ԵՎ ԴԱՏԱՎԱՐՈՒԹՅԱՆ ՄԿՁԲՈՒՆՔՆԵՐԸ ՍՄԲԱՏ ՄՊԱՐԱՊԵՏԻ «ԴԱՏԱՍՏԱՆԱԳՐՔՈՒՄ»

Լիլիթ Սարվազյան

*Փիլիսոփայական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ,
ՀՀ ԳԱԱ Փիլիսոփայության, սոցիոլոգիայի
և իրավունքի ինստիտուտի ավագ գիտաշխատող*

Կիլիկիայի Հայկական թագավորության պետական-քաղաքական գործիչ, դիվանագետ, օրենսգետ և պատմիչ Սմբատ Սպարապետը (1208-1276)՝ մեծարվել է *«Նորբախտ փիլիսոփա», «Սմբատ քաջ», «Հայոց իմաստուն սպարապետ», «Մեծն իշխան»* տիտղոսներով: Նա իր օրենսդրական և թարգմանչական գործունեությամբ մեծ ներդրում ունի հայ իրավունքի պատմության մեջ: